

фольклор среди финнов в Петрозаводске и в ряде районов республики. Фольклорные экспедиции несколько раз выезжали к ижорам на Сойкинский полуостров Ленинградской области.

Фольклористам хорошо известно, что в ареале, где народная поэзия сохранилась только в качестве остаточного явления, такие материалы удастся собрать путем неустанных кропотливых экспедиционных поисков.

Текстовая часть сборника состоит из двух основных разделов. В первый включены песни «калевальской» традиции: эпические, календарные, колыбельные, свадебные, а также заговоры, заклинания и причитания ижор — свадебные, похоронные, бытовые. Второй раздел знакомит с более поздними рифмованными песнями, которые бытовали в основном у ингерманландцев и не были известны ижорам.

Таким образом, в сборнике представлены почти все разновидности песенного творчества, начиная с причитаний и древних эпических песен и кончая новыми танцевальными песнями типа *piirileikkilaulu*.

Расположение материала в целом не вызывает возражения; вряд ли правомерно только отнесение к эпическим «Путевой песни» (№ 29), сочиненной исполнительницей, хотя и в народно-поэтическом стиле. Может быть, хороводные (круговые) песни (№ 94—98) стоило поместить после свадебных, поскольку они представляют собой определенное отступление от калевальской традиции, вернее, сплав ее с элементами русских хороводных и плясовых песен.

Эпические жанры уже публиковались ранее учеными Финляндии в многотомной серии «Древние руны финского народа» («Suomen kansan vanhat runot») и вполне естественно, что теперь, в пору угасания эпической традиции, составителям не удалось найти неизвестные сюжеты. Однако и приведенные в сборнике материалы представляют интерес с точки зрения сохранения традиции в наши дни.

Следует особо подчеркнуть, что древние ижорские причитания и новые рифмованные ингерманландские песни ранее вообще не издавались и в таком широком объеме вводятся в науку впервые.

Еще одно достоинство сборника состоит в том, что все тексты переведены на русский язык. На наш взгляд, сделано это достаточно квалифицированно и точно, хотя, по всей вероятности, данный раздел работы был для составителей самым трудным. За основу перевода взят принцип максимального приближения к первоисточнику. В специальных научных изданиях такой принцип, видимо, правомерен, хотя с точки зрения художественной переводы напоминают подстрочник.

Введение к сборнику представляет собой первый краткий очерк о проблемах фольклора финноязычных народов Ленинградской области. В нем рассматривается история вопроса, даются анализ развития и картина современного состояния поэтических жанров.

Тщательно оформлен научный аппарат, состоящий из примечаний, списков исполнителей и использованной литературы. В примечаниях к эпическим песням помимо сведений о месте, времени и способе записей дается подробный авторский комментарий, отражающий степень сохранности или разрушения каждого публикуемого сюжета.

Большой интерес для музыковедов представляют приложенные к текстам нотные расшифровки напевов песен и статья, характеризующая эти напевы. Музыкальное приложение содержит 91 напев. Оригинальны архаичные ижорские напевы-формулы, сопровождающие песенные тексты различных жанров.

В разделе ингерманландских песен уникальными в своем роде являются танцевальные песни *röntyskä*, в которых сочетаются полные народного юмора песенные тексты с напевами задорного танца-кадрили.

К недостаткам рецензируемого сборника помимо нескольких погрешностей в переводе нужно отнести некоторую нечеткость раздела «От составителей», отдельные положения которого к тому же повторяются во «Введении» (стр. 6—23) и вводной части примечаний (стр. 486, 487).

Указанные замечания носят частный характер. В целом книга получилась содержательной и интересной. В финно-угорскую фольклористику введен новый ценный материал по народной поэзии. Сборник будет полезен не только специалистам — фольклористам и музыковедам, но и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами финно-угорской фольклористики в нашей стране и за рубежом.

Н. А. Лавонен

Р. Я. Денисова. Антропология древних балтов. Рига, 1975, 402 стр.

Антропологическое изучение древнего населения Восточной Прибалтики занимает значительное место в исследованиях проблемы происхождения населения Северо-Восточной Европы. Однако до недавнего времени палеоантропологические материалы, особенно по ранним эпохам, либо полностью отсутствовали, либо были представлены единичными находками. За последние 15 лет картина значительно изменилась. Интенсивные археологические исследования, проводимые Институтом истории АН Латвий-

ской ССР, обогатили краниологические собрания Латвии и Литвы. Так, эпоха мезолита представлена теперь серией, содержащей более 20 черепов, эпоха неолита — около 70 черепов, эпоха бронзы — более 80 черепов. Уже предварительные публикации части этих материалов, предпринятые автором рассматриваемой книги, показали их огромное значение для понимания процессов расо- и этногенеза народов Прибалтики.

Монографическое описание и анализ этих данных и явились предметом трех глав (I, II и IV) рецензируемой книги. Кроме того, в специальной главе (III) рассмотрены впервые в таком объеме и по современной методике серии из могильников фатьяновской культуры из раскопок Д. А. Крайнова на Верхней Волге. Научное значение этой главы выходит далеко за пределы проблемы происхождения балтов. Наконец, в последней, V главе, рассматривается антропологический состав населения Латвии и Литвы в I — начале II тысячелетия нашей эры. В ней дан преимущественно новый материал и обобщен имевшийся ранее, составивший в целом 13 серий (375 черепов).

Систематическому изложению материала по главам предпослана вводная часть в которой автор дает общие сведения об использованных сериях и излагает настоящие проблемы происхождения балтов и прибалтийских финнов в антропологической литературе.

Первая глава книги «Антропологический состав и генезис мезолитического населения Восточной Прибалтики» представляет огромный интерес. Она содержит описание и анализ 20 мезолитических черепов (14 мужских и 6 женских) из могильника Звейники в Северной Латвии. Раскопки проводились с 1964 по 1971 г. под руководством Ф. А. Загорска. Погребения, в которых сохранились краниологический материал, датируются V—IV тысячелетиями до н. э.

Исходя из данных суммарной характеристики звейниекской серии (длинная, узкая, высокая черепная коробка, довольно широкое низкое лицо и орбиты, высокое неширокое переносье с выступающими носовыми костями), автор справедливо делает заключение о ее сходстве с сериями мезолита Украины (могильники Васильевка I и III). Этот вывод подтверждает мнение Р. Я. Денисовой о том, что антропологический тип мезолитического населения Прибалтики входит в круг форм, широко распространенных на обширной территории от Бретани на западе до Днепра на востоке и Финского залива на севере (стр. 33, 34). Автор считает также, что «мезолитические черепа (из могильника Звейники.—И. Г.) в среднем характеризуются несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица» (стр. 20). На первый взгляд, приводимые автором средние цифры углов горизонтальной профилированности лица ($139,8^\circ$ — назомаллярный угол и $125,5^\circ$ — зигомаксиллярный) не дают основания для такого вывода. В самом деле, если эти цифры считать показателями ослабленной профилированности лица, то 10 из 19 современных кавказских групп (данные В. П. Алексеева) попадают в категорию групп с ослабленной профилированностью лица, по крайней мере в его средней части. Но при рассмотрении вариабельности этих признаков в серии действительно можно выделить отдельные черепа с несколько ослабленной профилировкой. Правда, внутрigrupповая изменчивость признаков горизонтальной профилированности невелика. Среднее квадратическое отклонение немного повышено только у назомаллярного угла, и то за счет одного черепа (№ 154) с очень низким углом — $127,6^\circ$. Если этот череп исключить из подсчета, то средняя величина назомаллярного угла на мужских черепах мезолита Латвии окажется $141,5^\circ$, что действительно на $2-3^\circ$ больше, чем у современных европеоидов, но только современных. Для многих групп древнего населения значительной части Восточной и Западной Европы она совершенно обычна. Чтобы не быть голословным, напомним, что средняя величина назомаллярного угла в суммарной серии черепов верхнего палеолита Европы $143,6^\circ$; зигомаксиллярного — $127,4^\circ$. Назомаллярный угол в мезолитическом могильнике Васильевка III на Днепре равен $140,1^\circ$ при вариации у 8 черепов из 16 в пределах $140,4-150,4^\circ$. Зигомаксиллярный угол в могильнике Васильевка I — 129° при вариации $126,6-131,3^\circ$. В могильнике Тевбек (Франция) назомаллярный угол равен $140,0^\circ$ при вариации $136-146^\circ$, а зигомаксиллярный — 126° при вариации $120-132^\circ$ и т. д.

Из сказанного следует, что либо нет решительно никаких оснований видеть в несколько ослабленной профилированности лица на некоторых черепах Звейниекского могильника свидетельство монголоидной примеси в мезолитическом населении Восточной Прибалтики (стр. 35), либо нужно быть последовательным и распространить этот вывод на территорию Украины и Западной Европы.

Рассматриваемая проблема — одна из фундаментальных в антропологии Восточной Европы и Прибалтики. От ее решения зависят не только наши представления о путях древнего заселения этой территории и происхождения финноязычных народов Восточной Европы, но и ответ на ряд теоретических вопросов расоведения, связанных с формированием уральской расы и ее подразделений.

Напомним, что в 60—70-х годах проблема «древней монголоидности в Европе» была предметом оживленной дискуссии в советской антропологической литературе. Странники метисационной концепции (Г. Ф. Дебец, Н. Н. Чебоксаров, М. В. Витов, М. С. Акимова, В. П. Алексеев, К. Ю. Марк и др.) вслед за Е. В. Жировым усматривали в несколько ослабленной горизонтальной профилированности лицевого скелета на древних черепах Северо-Восточной Европы и Прибалтики свидетельство монголоидной примеси. Другие исследователи развивали идеи самостоятельного, независимого

от монголоидов образования морфологического комплекса уральской расы (В. В. Бунак) или рассматривали его как сохранение специфических особенностей древних протоевропеоидов, еще не дифференцированных относительно рас первого порядка (В. П. Якимов). В конце концов острота дискуссии утихла, и противники, если можно так выразиться, разошлись, оставшись каждый при своем мнении. Правда, время от времени дискуссия вспыхивает с прежней остротой на симпозиумах и конференциях и особенно при публикации новых материалов.

Можно ли упрекнуть Р. Я. Денисову, последовательного сторонника метисационной концепции, что она ищет аргументы в пользу отстаиваемых ею взглядов в новых материалах с территории Латвии, исследованных ею с необыкновенной тщательностью и полнотой? Можно ли рассматривать критику ряда развиваемых Р. Я. Денисовой положений с противоположных теоретических позиций — как недостаток ее фундаментального труда? Вне всякого сомнения, нельзя. Наоборот, следует выразить автору признательность за углубленную разработку ряда аспектов нерешенной научной проблемы, позволившую возобновить по ней полемику, без которой нет и не может быть прогресса в науке.

С учетом сказанного я позволю себе обсудить вторую главу книги: «Антропологический состав населения Восточной Прибалтики эпохи неолита», имеющую прямое отношение к этой проблеме. В ней рассмотрены главным образом две серии черепов. Раннеолитическая, связываемая с материалами нарвской культуры, состоит из 15 мужских черепов. Вторая серия, среднего и позднего неолита, включающая 43 мужских и 15 женских черепов, относится к культуре гребенчато-ямочной керамики. Обе происходят из могильника Звейниекы.

Раннеолитические черепа очень крупные, высоко- и длиннолобые, с широким, невысоким резко профилированным лицом и выступающим носом. В целом они похожи на мезолитические, но все основные диаметры у них чуть больше. Автор не считает раннеолитическую группу гомогенной и выделяет в ней два антропологических варианта, включив в один из них долихокранные черепа, а в другой мезокранные. Надо сказать, что сам по себе такой прием выделения антропологических типов, использованный Р. Я. Денисовой и при анализе мезолитической серии черепов (там долихокранный и долихомезокранный варианты), и при делении на две группы серии черепов Оленеостровского могильника (за основу разделения принята величина назомаллярного угла), более чем условен. Автор понимает это (стр. 49) и для подтверждения правильности выделения вариантов использует коэффициенты корреляции. Однако эти показатели скорее свидетельствуют об обратном. Дело в том, что почти все достоверные коэффициенты корреляции (7 у мужчин в мезолите и 15 в раннем неолите из 120 в каждой группе), а только их и можно принимать во внимание, указывают на функциональный характер связей (продольные размеры с продольными, поперечные с поперечными). И тем не менее, выделяемые автором типологические варианты мне представляются совершенно реальными. Их существование подтверждается географическим критерием — наличием к югу и юго-западу от изучаемой территории долихокранных групп с резко профилированным лицом и очень сильно выступающим носом, а к северу и северо-востоку мезокранных, с несколько уплощенным лицом и пониженным переносом. Поэтому все выводы исторического порядка о происхождении и взаимодействии групп населения, иммигрировавших с юга и северо-востока, их привязка к разным этносам, существование на территории Прибалтики, и в частности Латвии, уже в эпоху мезолита населения так называемого мезокранного типа с ослабленной профилированностью лица и переносья представляются совершенно достоверными и, на мой взгляд, должны рассматриваться как крупный вклад в историю прибалтийских народов.

Сказанное, очевидно, свидетельствует о том, что типологические приемы исследования, если их осторожно использовать, могут оказаться весьма полезными.

Особенно интересными представляются соображения автора о границах и контактах между южными и северными европеоидами (стр. 51). Следуя традиции, Р. Я. Денисова полагает, что основные различия между ними сводятся к разнице в ширине лица и горизонтальных размерах черепной коробки. Поэтому оба выделенных в раннем неолите антропологических типа отнесены ею к северным европеоидам, но второй, мезокранный, рассматривается как метисный с монголоидами.

Серию среднего и позднего неолита автор считает более гомогенной по сравнению с раннеолитической и не подразделяет ее на типы, но полагает, что компоненты, составляющие ее, те же: долихокранный европеоидный и мезокранный метисный. Пожалуй, на фоне этой серии особенно выявляется зыбкость метисационной концепции.

В самом деле, в то время как об исходном европеоидном компоненте мы можем сейчас составить довольно полное представление, монголоидный остается совершенно неясным. Если бы попробовали реконструировать его на основании признаков строения так называемого метисного типа, то выяснили бы, что он должен обладать, помимо плоского лица и переносья, брахикранной, высокой черепной коробкой, очень широким лбом, широким низким лицом и низкими глазами. Ни современные, ни древние монголоиды Сибири, откуда предполагается проникновение их на север Восточной Европы, не обладают названным комплексом признаков.

Предположение о происхождении уплощенности лица у древнего населения Европы в результате метисации с монголоидами требует объяснения следующих фактов:

почему высота черепа метисного типа почти такая же большая, как у исходного европеоидного, хотя монголоидный компонент крайне низкоголов? Почему в результате метисации длинноголового европеоидного типа с длинноголовым монголоидным (эталон монголоидного — антропологический тип неолитического населения Прибайкалья) образовался мезокранный вариант? Почему наименьшая ширина лба метисного типа превосходит таковую у обоих исходных типов? Почему высота лица и глазниц метисного типа значительно меньше, чем у обоих исходных?

На перечисленные признаки сторонники метисационной концепции обращают мало внимания. Формулируя ее, обычно опираются на привычное представление о высоком таксономическом весе признаков горизонтальной профилированности лица и переносья для разграничения монголоидов и европеоидов. При этом, однако, забывают, что таксономический вес их сохраняет свое значение только при условии заведомо известного сопоставления европеоидов и монголоидов либо метисных популяций. В данном случае такой уверенности нет. Ссылки на данные смежных наук здесь мало помогают. Вот, что, например, пишет об этом П. Н. Третьяков: «Соображения археологов о раннем проникновении населения из восточных областей в Прибалтику, как видим, в общем еще весьма слабо аргументированы археологическим материалом. Но они приобретают значительное правдоподобие и поднимаются до уровня научной гипотезы в свете антропологических данных»¹.

Совершенно очевидно, что гипотеза о монголоидной примеси в составе мезокранного антропологического типа с несколько уплощенным лицом и переносьем опирается только на антропологические данные, точнее, на признаки горизонтальной профилированности лица и переносья. Между тем именно эти признаки в данной ситуации, когда вполне допустимо предположение о конвергентном их происхождении, не обладают таксономическим весом для дифференциации монголоидов и европеоидов. Более того, они путают картину. Напомним, что описанный выше комплекс признаков (мезокранная или брахикранная черепная коробка с очень широким лбом, очень широким, относительно низким плоскатым лицом и переносьем, низкими глазницами) хорошо известен по материалам неолитического могильника Васильевка II в Днепровском Надпорожье. Сторонники метисационной концепции почему-то упускают из вида этот материал. Р. Я. Денисова даже не сочла нужным упомянуть об этом раннеоолитическом могильнике, хотя сравнение с другими сериями черепов днепро-днепровской культуры проведено. Жаль, так как именно с серией из Васильевки II обнаруживается наибольшее сходство мезокранный тип из могильника Звейниекы. Мне представляется, что этот краниологический комплекс, может быть, не в столь резко выраженной форме, как в материалах могильника Васильевка II, широко распространенный в лесной зоне Восточной и Северо-Западной Европы, и лежит в основе северной ветви европеоидной расы. Правда, в чистом виде мы встречаемся с ним редко, так как по крайней мере с эпохи мезолита на эту территорию проникают с юга и юго-запада племена южных европеоидов, носителей иного комплекса признаков. Этот процесс необычайно красочно и убедительно показан Р. Я. Денисовой в главе, посвященной материалам фатьяновской культуры.

Автор собрал очень большой материал, безупречно проанализировал его и опубликовал по современной программе. Несмотря на то что серия сборная, происходит из разных могильников с довольно большой территории, единство антропологического типа в племенах фатьяновской культуры не вызывает ни малейшего сомнения.

Долихокранное, средней ширины, резко профилированное лицо, выступающие носовые кости — все говорит о том, что перед нами типичные представители южных европеоидов. Черты их проявляются даже у современного населения, живущего на территории распространения фатьяновских могильников. Не вызывает возражений и вывод автора о связи фатьяновцев с протобалтами (стр. 119).

Другое подтверждение присутствия на территории Прибалтики пришлое население находим в главе IV, посвященной описанию и анализу материалов эпохи бронзы — из Кивултканского могильника и укрепленного поселения Кивултканс в северо-западной Латвии. До рецензируемой работы материалы эпохи бронзы из Прибалтики были представлены единичными находками. Черепа из Кивултканса долихокранные, высокоголовые, крайне узколицые и в целом европеоидные. Автор выделяет два типа — долихокранный и мезокранный, связываемые с разными по происхождению этносами. Этот вывод, если он и правильный, представляется мне больше интуитивным, чем научно обоснованным.

Заключительная глава книги «Антропологический состав населения Латвии и Литвы I — начала II тысячелетия н. э.» охватывает огромный материал. В главе рассматривается и прослеживается происхождение латгалов, земгалов, жемайтов, ятвягов, пруссов, ливов, селов, аукштайтов. Антропологические типы начала I тысячелетия н. э. и средневековья хорошо увязываются с более древними. Историческая значимость этой итоговой главы несомненна.

Большой заслугой автора книги, делающей ее важным антропологическим источником, являются таблицы средних и индивидуальных данных и основных статистиче-

¹ П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 27.

ских параметров, в том числе коэффициентов корреляции по древним группам, и таблицы средних величин по группам I — начала II тысячелетия (стр. 187—381). Но, к сожалению, совершенно отсутствуют краниограммы и фотографии черепов.

Книга Р. Я. Денисовой «Антропология древних балтов» — веха в антропологии Прибалтики и крупный вклад в палеоантропологию СССР.

И. И. Гохман

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Радосав Меденица. Наша народна епика и њени творци. Црногорско-херцеговачка планинска област — постојбина патриархалне културе и епске песме динараца. Цетиње, 1975, 415 стр.

Появление книги Р. Меденицы, посвященной эпической поэзии и певцам черногорско-герцеговинского региона, — значительное событие в славянской фольклористике. В ней собран и проанализирован большой фактический материал, поставлены важные теоретические вопросы и во многих случаях дано их оригинальное решение. Следует сразу же отметить, что ученый пишет основательно, глубоко освещая каждую привлекаемую деталь, с большой заинтересованностью в предмете, вдохновенно, увлекательно. Чувствуется, что народная песня для него не предмет кабинетных раздумий, а дело всей жизни, что он знает ее не только по чужим записям и работам, но и в непосредственном бытовании — такой, какой она жила в истории и живет в современности.

Центральная в монографии Р. Меденицы — проблема певца, гуслира, сказителя. С ней связаны проблемы эпической среды, эпической памяти и памяти самого гуслира, взаимоотношения народной песни и истории, поэтики народной песни. Особенно занимает ученого вопрос — как от певца к певцу изменялась и обогащалась народно-песенная эпическая традиция.

Во введении к монографии дана географическая, этнографическая и историко-культурная характеристика черногорско-герцеговинского региона, поставлены основные проблемы исследования.

О том, что в интересующем Р. Меденицу регионе эпическая традиция уходит в глубокое прошлое, свидетельствуют легендарно-мифологические песни, которые рассматриваются в первой главе. Здесь же поставлен вопрос об индивидуальных особенностях певца, о песенной реализации тех или иных сюжетов.

Р. Меденица старается исследовать пути становления народного эпоса. Эта проблема находится и в центре второй главы, посвященной перастским рукописям Юлия Баловича и Николы Мазаровича. Речь идет об основных типах народных песен, о взаимоотношениях между так называемыми бугарштицами и песнями, созданными в классическом десетераце.

В последующих главах даются портреты черногорских и герцеговинских певцов и собирателей эпоса и характеризуются отдельные сборники. Меденица говорит и о «гуслирах Вука», и о певцах более позднего времени; пишет он и о сборниках, появившихся после Караджича, что имеет принципиальное значение, так как до сих пор мы встречаемся с недооценкой поздних записей. Известно, например, что В. Иванович считал их фальсификатами, того же мнения придерживался и такой крупный знаток сербского эпоса, как И. Н. Голенищев-Кутузов.

Есть и другая сторона проблемы. Я имею в виду известную полемику между Альбертом Лордом и Рамоном Менендесом Пидалем. Лорд утверждал, что певец не просто носитель традиции, но художник, создающий ее; представляя традицию, он одновременно выступает и как творец. По мнению Пидалья, Лорд преувеличивает роль индивидуального начала, роль импровизации². Между тем в народном искусстве традиция и импровизация составляют диалектическое единство³. Глубокое понимание ди-

¹ См.: «Эпос сербского народа. Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов», М., 1963, стр. 272; И. Н. Голенищев-Кутузов, Славянские литературы, М., 1973, стр. 305.

² См.: А. В. Lord, The singer of tales, Cambridge, Mass, 1960; Р. Менендес Пидаль, Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе, «Иzv. АН СССР. Отделение литературы и языка», 1966, т. 25, вып. 2, стр. 102—117 (публикации статьи Пидалья предпослано предисловие В. М. Жирмунского, имеющее большое методологическое значение).

³ Это убедительно показано в работах В. М. Жирмунского. См. также: П. Г. Богатырев, Вопросы теории народного искусства, М., 1971, стр. 393—400.